

Российская академия наук

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ЛАВРОВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
XL СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИХ
ЧТЕНИЙ 2016 г.

ЭТНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
2017

УДК 39+902+94+008(470.6+51)

ББК 63.5(2)

Л13

Рецензенты:

к.и.н., доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа
Восточного факультета СПбГУ *З.А. Джандосова*;
к.и.н., ведущий специалист по учетно-хранительской
документации МАЭ РАН *А.В. Курбанов*

Л13 **Лавровский сборник.** Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. М.С-Г. Албогачиева, М.Е. Резван. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — 350 с. — [Электронное издание].

ISBN 978-5-88431-333-0

Сборник включает результаты научных исследований, изложенные на XL Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтениях в 2016 г.

Авторы рассматривают различные аспекты традиционной и современной этнографии народов Центральной Азии и Кавказа. Особое внимание уделено мировоззренческим основам функционирования традиционных обществ, проблемам этнического самосознания и его трансформаций, этнокультурным и этнополитическим процессам в традиционных и современных обществах.

Сборник представляет интерес для этнографов, археологов и специалистов исторических наук.

УДК 39+902+94+008(470.6+51)

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-88431-333-0

© МАЭ РАН, 2017

Минимальные системные требования

Тип компьютера:	PC Intel Pentium 4, 3 GHz и выше
Оперативная память (RAM):	1 Гб
Необходимо на винчестере:	100 Mb
Операционные системы:	Windows XP и выше
Видеосистема:	SVGA, разрешение экрана не менее 1024×768
Дополнительное оборудование:	CD-ROM, манипулятор «мышь»
Дополнительные программные средства:	Internet Explorer 8.0 и выше

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за авторами.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ, ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Е.А. Болашенко

ЭПОХА И ГОСУДАРСТВО САМАНИДОВ (IX–X вв.) В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ВЛАСТИ

В современной исторической науке Таджикистана отдельное место занимает эпоха Саманидов (IX–X вв.). Связанные с Саманидами темы стали особенно востребованы в постсоветский период: после 1991 г. появилось и продолжает появляться большое количество работ, посвященных этой династии. Во многих из них государство Саманидов со столицей в Бухаре, основанное эмиром Исмаилом (849–907 гг.) и просуществовавшее на территории Мавераннахра и Хорасана более столетия, характеризуется как эталонное, а сама эпоха именуется золотым веком.

Наследие Саманидов не только вызывает интерес у историков, выступая одним из популярных направлений исследований, но и все чаще оказывается на слуху у обыкновенных граждан: достаточно вспомнить, например, что валюта, введенная в Таджикистане в 2000 г., была названа «сомони». Увековечивание Саманидов происходит на государственном уровне: имя Исмаила Самани получают улицы, населенные пункты, географические объекты; в ряде городов в его честь были возведены памятники (причем можно уже, хоть и с некоторой осторожностью, говорить о возникновении и закреплении новой иконографии этого исторического лица).

О современных представлениях, связанных с эпохой Саманидов, можно судить как по материальным свидетельствам (экс-

позиции в музеях, плакаты на улицах городов, художественные изображения), так и по нематериальным (школьные учебники истории, многочисленные поэтические произведения и др.).

Ко второму типу относится и такой показательный источник, как официальные выступления и статьи президента республики Э. Рахмона. Для настоящего исследования были изучены пять текстов на таджикском языке: речь Э. Рахмона, приуроченная к празднованию 1100-летия государства Саманидов (1999 г.); речь, произнесенная на международной конференции по тому же поводу (1999 г.); последовавшая в том же году статья с размышлениями о таджикской истории в «Независимой газете» (1999 г.); речи на торжественном открытии архитектурного комплекса и памятника эмиру Исмаилу Самани в Душанбе (1999 г.) и открытии памятника ему же в Худжанде (2001 г.).

На каких же чертах государства Саманидов заостряется в них внимание?

Практически в каждом из текстов (где-то более подробно, где-то менее) говорится о таджикском языке (отождествляемом с фарси и дари), который при Саманидах сохранялся в качестве государственного, несмотря на приход в регион арабов и распространение ислама. Усилия таджиков, принявших ислам, но сумевших сохранить при этом родной язык (*чун гавҳараки чашим* — «как зеницу ока») в одной из речей Рахмон относит к золотым страницам истории народа и называет выдающимся проявлением патриотизма (*надидаи беназири ватанпарастӣ*) [Рахмон 2001: 147]. В другом месте он добавляет, что именно Саманидам принадлежит заслуга сохранения иранской языковой и культурной преемственности, замечая, что западные иранцы (*эрониҳои ғарбӣ*) после арабских завоеваний лишились своего языка — среднеперсидского, или пехлеви. И только «два века спустя на западе распространился персидско-таджикский язык (*забони тоҷикии форсӣ*), который брал начало в государстве Саманидов (*аз давлати Сомониен сарчашма мегурифт*) [Там же: 166].

Традиционно упоминается имя Рудаки (858–941), с произведениями которого принято связывать зарождение классического литературного персидско-таджикского языка; перечисляются

ученые-энциклопедисты и выдающиеся деятели искусства, находившие покровительство при дворе Саманидов в Бухаре и работавшие в других крупных центрах того времени: Самарканде, Худжанде, Балхе, Мерве, Нишапуре, Герате. «Именно в эту эпоху, — заключает Рахмон, — творческие силы нашего народа принесли лучшие и наиболее многочисленные результаты во всех, без преувеличения, областях». Время Саманидов даже уподобляется «сияющему свету» (*нури дурахшон*), озарившему небеса на столетия вперед [Рахмон 2001: 175], светочу (*машъале*) [Там же: 151] и яркой звезде или метеору (*шиҳоби соқибе*) [Там же: 100]. В своей статье в газете Рахмон вновь обращается к поэтическим сравнениям (*агар шоирона бегъем*) и говорит о том, что таджики оставили «мир меча» (*дунеи шамшер*), в котором успешно существовали во времена древних ариев, и сделались строителями мира гуманного (*чаҳони инсонӣ*), первопроходцами в поэзии, архитектуре, живописи, каллиграфии, светской духовной культуре [Там же: 163].

Выступая на открытии архитектурного комплекса в Душанбе, Рахмон в качестве главных заслуг саманидских правителей назвал два их достижения.

Первое: Саманидам удалось объединить под своим контролем огромные территории Мавераннахра и Хорасана с их арийским населением (*халқи ориенажд*) и поддерживать на них централизованную власть. Причем власть эта осуществлялась настолько справедливо (*одилона*) и мудро (*оқилона*), что многие из ее элементов не потеряли значения и сегодня и потому могут применяться и в нынешних условиях [Рахмон 2001: 176].

Второе: «беспрецедентность» (*усули бесобиқа*) стиля управления саманидских эмиров и прежде всего Исмаила состояла в том, что управление это, хоть и основывалось на древних народных традициях, ими не ограничивалось. Саманиды охотно изучали и перенимали опыт других народов, а также опыт прошлых поколений. От этой мысли Рахмон переходит к разговору о Таджикистане современном, поясняя, что гордиться богатой историей своего народа — не значит непременно замыкаться в себе. Напротив, необходимо вслед за предками стремиться как можно эффек-

тивнее использовать наследие всего человечества [Рахмон 2001: 175]. В другой своей речи, на открытии памятника в Худжанде, он сформулировал это так: «Признавая национальное самосознание и национальную гордость одними из основных столпов государственности, мы тем не менее никогда не должны допускать изоляции» [Рахмон 2001: 651].

Стоит заметить, что традиции государственного управления Саманидов связываются здесь с самой глубокой древностью: со временами Кейянидов и Пишдадидов, легендарных царей Ирана. Важно подчеркнуть, что хоть государство Саманидов и называется сегодня первым *национальным* государством таджиков, историю государства и государственности таджиков (*таърихи давлату давлатдорши тоҷикон*) относят в прошлое еще более чем на тысячелетие. Так, династию Пишдадидов Рахмон называет одним из исторических центров древнего мира наряду с Грецией, Египтом, Вавилоном [Рахмон 2001: 144]. Те же традиции, продолжает он, в общих чертах сохранялись и в мировой державе (*давлати абарқудрати чаҳонӣ*) Ахеменидов, и в последующих государствах ариев (*давлатҳои баъдинаи орией*): при Аршакидах, парфянах, кушанах, эфталитах и особенно Сасанидах. Эта преемственность сохранилась и ко времени арабских завоеваний и нашла свое воплощение в государстве Саманидов.

Что касается международных отношений и внешней политики Саманидов, Рахмон называет их достойным примером для подражания. Он говорит об укреплении торговых связей как с соседями, так и с краями отдаленными: Китаем, Византией, европейскими странами, Русью; напоминает о роли таджиков в международной торговле на Великом шелковом пути. Отдельно упоминаются осмотрительные (*эҳтиеткорона*), мудрые (*оқилона*) и выгодные (*судбахи*) отношения с Арабским халифатом, способствовавшие сохранению фактической независимости государства и его усилению [Рахмон 2001: 151]. Кроме того, в условиях государства Саманидов стал возможен мирный обмен знаниями и опытом между Востоком и Западом, например, работая над своим «Каноном врачебной науки», Ибн Сина имел возможность опираться в том числе на достижения Галена и Гиппократов [Там же: 100].

Тема мира неоднократно поднимается и в связи с личностью эмира Исмаила ибн Ахмада, активно популяризируемого в Таджикистане в наши дни. Этот исторический персонаж представляет особенный интерес, и о нем следует сказать отдельно.

В выступлениях Рахмона Исмаил называется правителем мудрым (*оқил*), справедливым (*одил*), просвещенным (*бофарҳанг*, *соҳибмаърифат*) и патриотичным (*ватандӯст*), а также дальновидным деятелем (*арбоби дурандеи*), сумевшим благодаря решительным поступкам пресечь столкновения внутри страны и предпринять меры по обеспечению ее безопасности. Исмаилу Самани удалось объединить Мавераннахр и Хорасан в непростое время: в период политической разрозненности и постоянных конфликтов местных правителей. Далее проводятся параллели с современным Таджикистаном — с гражданской войной 1992–1997 гг. Рахмон говорит о людях (не называя, впрочем, ни конкретных имен, ни партий), не посчитавшихся с монопольным правом государства на власть, незаконно присвоивших себе право на применение силы и втянувших таджикский народ в водоворот внутренней войны [Рахмон 2001: 98]. Сам Рахмон, занявший пост президента Таджикистана в разгар войны, в 1994 г., застал страну в состоянии разобщенности по региональному признаку. Поэтому в каком-то смысле можно говорить о том, что он оказался в положении, сходном с тем, с которым столкнулся эмир Исмаил одиннадцать веков назад. Вероятно, именно по этой причине нынешний президент уделяет особое внимание вопросам установления мира, как комментируя ход новейшей истории, так и обращаясь к событиям тысячелетней давности.

Интересно, что оба памятника, на открытии которых выступал Рахмон, изображают эмира Исмаила в абсолютно мирном виде: не на коне и без оружия в руках. (Это составляет резкий контраст с открытым в 1993 г. в Ташкенте памятником эмиру Тимуру — герою постсоветского Узбекистана. Там Тимур изображен на коне, в походном облачении и шлеме, с саблей в ножнах и со щитом на поясе. Сравнение исторической памяти в современных Таджикистане и Узбекистане вообще представляет собой отдельную, чрезвычайно интересную тему.) Подобный вид имеют и памят-

ники Исмаилу Самани в Кулябе, Исфаре, Турсунзаде. Памятник в Курган-Тюбе, правда, изображает эмира верхом на коне, однако при нем нет оружия, а жест правой руки с раскрытой ладонью сильно отличается от воинственных жестов, типичных для монументов завоевателям.

Рахмон подчеркивает: Исмаил не имел намерения вести войну, несмотря на провокации багдадского халифа (имеется в виду аббасидская политика поддержки Амра ибн Лейса Саффарида, правившего в 890-х годах в Хорасане, имевшая целью столкнуть и ослабить силы обеих династий). «Когда Амр ибн Лайс с 70-тысячным войском двинулся на Мавераннахр, Исмаил Самани вынужден был (*ноилоч*) встать на защиту своих владений и одержал победу в сражении». После чего произошло объединение всех земель таджиков, т.е. Мавераннахра и Хорасана, под знаменем государства Саманидов. Говоря о заслугах Исмаила в централизации страны, Рахмон уподобляет его санидскому шаху Хосрову Ануширвану (VI в.): Исмаил обладал теми же выдающимися качествами, что прославили в свое время иранского шаха [Рахмон 2001: 148].

«Даже во времена весьма жестоких межгосударственных отношений первостепенной задачей для представителей правящей династии и прежде всего Исмаила Самани было установление мира и согласия (*бақарор намудани сулҳ ва осоиш*) в стране, — заключает Рахмон. — Мир создавал условия для роста городов, процветания хозяйства и достатка населения» [Рахмон 2001: 171]. Отдельный абзац в одной из речей посвящен понятию *кад-худо* (староста; глава рода), доставшемуся Саманидам от предков и активно употреблявшемуся в их государстве. В соответствии с этим понятием правитель выступает по отношению к своим землям прежде всего как заботливый хозяин.

Цитируя, вероятно, самое известное из высказываний Исмаила Самани («Пока я жив — я стена Бухары» — *То зиндаам, девори Бухоро манам*), Рахмон добавил, что и всякий сознательный житель Таджикистана должен быть всегда готов в случае необходимости стать стеной и защитой своей независимой родины [Рахмон 2001: 651]. Кроме того, каждому гражданину следует знать,

какое место занимает эмир Исмаил в истории народа [Там же: 650].

Открывая памятник в Душанбе, Рахмон заявил, что монумент этот — не показное поклонение предкам (*парстиши зоҳирии ни-егон*), а дань уважения эмиру — основоположнику таджикской государственности (выразив тем не менее надежду, что он станет местом посещения (*зиератгоҳ*) всех таджикистанцев и гостей республики). Необходимость его возведения он объяснил недостаточной осведомленностью народа о событиях собственной истории и пояснил, что, не сделав выводов из падения саманидского государства, невозможно преуспеть в строительстве государства будущего [Рахмон 2001: 155].

В речи на открытии памятника прозвучали даже слова о «бес-смертном духе Исмаила Самани» (*рӯҳи ҷовидонаи Исмоили Со-монӣ*), который должен стать помощником и покровителем сегодняшнего и будущих поколений в их стремлении к единству и труде на благо будущего страны [Рахмон 2001: 176]. Трудно сказать, действительно ли подобные слова означают сакрализацию Исмаила Самани и наделение его сверхъестественными чертами, но они, во всяком случае, очень показательны. Обращение к образу эмира проявляется и в призыве быть достойными наследниками великого предка (*ворису номбардори арзандаи аҷдоди бузурги худ*) [Там же: 651].

Среди заслуг как Исмаила, так и его преемников Рахмон особо выделяет привлечение на государственную службу наиболее способных, образованных и культурных людей времени. Упоминаются, например, династии саманидских вазиров: Джайхони, Балъами, Утби. Подчеркивается роль человеческого фактора в процветании страны и добавляется, что и сами эмиры в большинстве своем были людьми учеными [Рахмон 2001: 149].

Государство Саманидов, по словам Рахмона, имело важную историческую миссию (*як рисолати бузурги таърихӣ*), которой историки не всегда уделяют достаточно внимания, а именно разумный и умелый синтез традиционных ценностей ариев с нормами ислама, в результате которого даже с распространением учения Имама аль-Азама (т.е. ханафитского мазхаба) влияние

светской власти на общественные и культурные процессы оставалось неизблемым [Рахмон 2001: 149].

Теме религии вообще уделяется особое внимание. В выступлениях президента Таджикистана неоднократно подчеркивается сосуществование в государстве Саманидов представителей различных вероисповеданий и религиозных течений и утверждается: подобная многоконфессиональность (*гуногуландеши*) ни в коем случае не мешала единению и централизации страны [Рахмон 2001: 102, 170]. Далее эта мысль связывается с современными реалиями: «Мы уверены, что многообразие религиозных убеждений в сегодняшнем Таджикистане не является препятствием для укрепления государства. Прежде устойчивость государства связывалась с господством единственной идеологии. Сегодня мы считаем иначе: нам нужны новые факторы сплочения общества во всем его разнообразии» [Рахмон 2001: 102].

Рахмон достаточно подробно останавливается на последних годах государства Саманидов (конец X в.). Заметив, что оно при всех достигнутых успехах не стало исключением из общего исторического сценария (формирование, расцвет и упадок), он все же выделяет пять специфических обстоятельств, способствовавших его закату и приблизивших его. Первое — ослабление единства внутри самой династии и участвовавшие случаи борьбы за власть между членами правящего дома. Второе — влияние саманидской гвардии, состоявшей большей частью из чужеземцев-тюрок. Третье — стремление наиболее влиятельных из правителей отдельных областей к самостоятельности, приводившее к раздорам и постепенно ослаблявшее центральную власть. Четвертое — действия духовенства: антинациональные (*зиддимиллӣ*) и сеющие раздор (*ихтилофангез*). Пятое — давление извне, усилившееся в условиях внутреннего кризиса. Обобщая эти факторы, Рахмон заключает: «Таджикский народ должен знать горькую правду: основными причинами распада могущественного государства Саманидов стала недалёковидность правителей, борьба за власть и честолюбие ряда государственных и военных деятелей, бессмысленные внутренние распри, предательство со стороны чужеземцев и центробежные стремления» [Рахмон 2001: 152].

В другом месте он замечает, что распад саманидского государства — «предостережение из глубины веков» (*хушидор аз қаъри асрҳо*) — должен служить важным уроком для таджикского народа [Там же: 650].

Интересно, что среди названного не упоминаются некоторые обстоятельства, приводившиеся в качестве причин упадка государства Саманидов ранее. Не говорится, например, о роли карматского движения, которому уделялось немало внимания в монографии Н. Н. Негматова «Государство Саманидов». Там же можно найти упоминания о высоких налогах и тяжелом положении крестьянства [Негматов 1977: 127], а также заключения о том, что «народ стал безразличен к судьбам Саманидов» и Саманиды «к концу своего правления уже не пользовались поддержкой ни одного сколько-нибудь значительного сословия» [Там же: 133]. Почти без изменений эти соображения были приведены впоследствии и в многотомной «Истории таджикского народа» (т. 2, содержащий главы о Саманидах, издан в 1999 г.) [История 1999: 444]. Сходные мысли можно обнаружить и у В. В. Бартольда в 1963 г.: «Очень вероятно, что народ, более всего страдавший от постоянных смут, отнесся к перемене династии довольно равнодушно» [Бартольд 1963: 320].

Возвращаясь к вопросам исторической памяти, Рахмон подчеркивает и такую мысль: культура саманидского времени — это не только историческое наследие сегодняшних таджиков или иранских народов вообще, но и богатство всей Центральной Азии, Ближнего Востока и человечества в целом. Поэтому Таджикистан не имеет намерения присваивать это наследие себе [Рахмон 2001: 150, 104]. В выступлениях можно также найти призывы не путать сегодняшний Таджикистан с «Таджикистаном историческим» (*Тоҷикистони таърихӣ*), занимавшим более обширные территории. Так, государству Саманидов помимо Мавераннахра принадлежал и так называемый Большой Хорасан, однако обращение к собственной истории ни в коем случае не должно означать территориальных притязаний к другим государствам. Рахмон рисует историю Центральной Азии как постоянное смешение народов, при котором в разные эпохи на первый план выдвигался то один,

то другой. И в эпоху Саманидов, заключает он, такая главенствующая роль принадлежала таджикам [Рахмон 2001: 98]. Что же касается самой династии, то ее история остается замечательным уроком на все времена, поскольку содержит как достойные подражания примеры, так и серьезные предостережения [Там же: 650].

Библиография

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1.

История таджикского народа. Т. 2. Эпоха формирования таджикского народа / Под ред. Н.Н. Негматова; отв. ред. Р.М. Масов. Душанбе, 1999.

Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1977.

Рахмон Э. Тоҷикистон: даҳ соли истиқлолият, ваҳдати миллӣ ва бунедкорӣ. Иборат аз се ҷилд. Душанбе, 2001. Т. 3.

Т. Путкарадзе

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ БЕЖЕНЦЕВ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГРУЗИИ

Грузия — полиэтническая и поликонфессиональная страна, имеющая сложную социальную структуру, одна из «горячих точек» на современной политической карте. Процессы, которые идут в отдельных регионах республики, влияют в целом на политическую ситуацию на Кавказе. А Кавказ в свою очередь также является «горячей точкой», которая угрожает стабильности во всем мире.

Сегодня в Грузии несколько конфликтных очагов. Конфликты, которые здесь происходят, могут перерасти в глобальное противостояние. Нарушенная территориальная целостность, этническая неоднородность населения, искусственно нарушенный демографический баланс в некоторых регионах, территориальное

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Лавровский сборник

**Материалы XI Среднеазиатско-Кавказских чтений
2016 г.**

Этнология, история, археология, культурология

Электронное издание

Редакторы М.В. Банкович
Корректор Л.Г. Амбросенко
Компьютерный макет А.А. Банковича

Подписано к печати 23.08.2017. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 20.

МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 3